

A sunflower with a black sign on its stem, set against a background of waves crashing on a rocky shore. The sunflower is in the foreground, and the waves are in the background. The sign is black with white text.

Игорь Ягулов

**БРАТСТВО
ПОДСОЛНУХА**

Криминальная драма
на постном масле

Игорь Ягупов

**Братство подсолнуха.
Криминальная драма
на постном масле**

«Издательские решения»

Ягунов И.

Братство подсолнуха. Криминальная драма на постном масле /
И. Ягунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964186-1

Юрию предлагают возглавить Братство подсолнуха, основанное когда-то его дедом. Однако стать боссом полубандитской организации оказывается не так просто. Главный герой сталкивается с тайнами, разгадка которых приводит сюжет к неожиданному финалу. Роман написан в жанре иронической пародии на криминальную драму.

ISBN 978-5-44-964186-1

© Ягунов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Братство подсолнуха

Криминальная драма на постном масле

Игорь Ягулов

Фотограф Matteo Vistocco

© Игорь Ягулов, 2019

© Matteo Vistocco, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-4186-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Юрий с испугом отшатнулся от монитора. Одним пружинистым движением он вскочил на ноги, отпрыгнул от компьютерного стола и с напускной задумчивостью уставился на книжные полки. То ли домофон не подал сигнал, то ли он его не расслышал, погрузившись в изучение очередной статьи, с уверенностью доказывавшей, что конец света неизбежен уже в ближайший вторник. Так или иначе, но он узнал о приходе мамы только тогда, когда хлопнула дверь квартиры.

То, что это была мама, он не сомневался. Кто же еще? Больше ключа ни у кого не было. Она, кстати, обещала прийти. И он был готов к этому визиту. Но только домофон его подвел. Или слух. Надо проверить слух. А то так недолго пропустить что-то более важное. Хотя и этот ляп ничего хорошего не сулил. Теперь мама будет долго качать головой и ворчать, что у него глаза повылезут от этого компьютера, что не может молодой и перспективный (это она таким его считает) ученый проводить дни, занимаясь подобной ерундой.

– А мне тридцать лет уже, – каждый раз возражал он. – Могу я заниматься тем, чем хочу?

– И что с того, что тридцать? – продолжала ворчать мама. – О кандидатской диссертации пора думать, а не тратить время на этот мусор.

– Это не мусор, – вяло отбивался он, хотя в душе понимал, что она права.

Но объяснять ей, что он устает на работе и ему нужно хотя бы на время отвлечься от литературы, которую он преподает в университете отчаянно пытающимся выйти замуж девицам и прячущимся от армии юношам, было бесполезно. Мама не хотела его слушать.

Вот и сейчас из-за своей тугоухости (он не хотел верить в то, что сломался домофон, ибо это означало, что мама отныне всегда будет приходить с внезапностью набега стаи степных волков на беззащитное овечье стадо) он нарвался на очередную порцию нотаций.

– Опять за компьютером? – рассеянно и как-то без особой злобы пробормотала мама.

– Угу, – буркнул он, вжав голову в плечи, а про себя подумал: – Может, ключи у нее отобрать? Типа взрослый я уже. Живу отдельно. Так ведь обидится. Да и продукты она все время таскает. А так придется самому по магазинам бегать. Остается терпеть.

– Я, мама, – начал оправдываться он, мучительно силясь изобрести хоть какую-то причину пребывания в мировой паутине, которую мама сочла бы уважительной.

– Пакеты возьми, отнеси на кухню, – неожиданно отвлеклась от компьютерной темы мама.

– Ага, ладно, хорошо, – закивал Юрий, с готовностью кинувшись в коридор, где стояли набитые продуктами пакеты.

Маму явно что-то отвлекло. Была какая-то причина. Иначе она непременно прочла бы ему лекцию о вреде Интернета. Так или иначе, но мамина рассеянность была Юрию на руку. Он с готовностью подхватил тяжелые – как мама их только таскает? – пакеты и понес на кухню.

– Подсолнечное масло подорожало, – входя вслед за ним, сказала мама голосом, в котором слышалась явная тревога.

– Вот и причина, – мелькнуло в голове у Юрия. – Как просто-то все! Незамысловатый пищевой продукт спас мировую паутину от очередной порции проклятий.

– Масло, – задумчиво повторила мама.

– Волатильность, – охотно откликнулся Юрий.

– Мы что, в Марко Поло играем? – огрызнулась мама, уставившись на него. – Причем здесь волатильность?

– Цены колеблются, – пояснил Юрий. – Рынок.

– Я знаю, что такое волатильность, – возмутилась мама, всю сознательную жизнь работающая коммерческим директором в крупной строительной фирме.

Фирму эту когда-то умыкнул из госсобственности папа нынешнего владельца. Но мама уже тогда там работала. Так что весь процесс расхищения основных фондов шел на ее глазах. В те времена она кормила нынешнего владельца конфетами, когда отец приводил его на работу. Так что теперь она могла наслаждаться его благодарностью. Хотя, возможно, он просто боялся, что в случае увольнения мама расскажет компетентным органам о том, как государственный трест неожиданно стал частной компанией.

– Подорожало, – снова насупилась мама.

– Да и бог с ним, – отмахнулся Юрий.

– Ты не понимаешь, сынок, – покачала головой мама.

Именно так она качала головой, когда ругала его за компьютер. И ничего хорошего подобное покачивание маминой головы ему не обещало. Юрий напрягся, ожидая очередную порцию упреков. Правда, он никак не мог найти причинно-следственную связь между его бездельничаньем у монитора и ценой на постное масло.

– Ерунда на постном масле! – неожиданно мелькнула у него в мозгу гениальная мысль. – Вот она, связь!

– Надо проверить, не подскочила ли цена на семечки, – мрачно продолжила мама. – У тебя компьютер включен?

– Угу, – буркнул окончательно сбитый с толку Юрий.

– Так проверь, – подняла голос мама, явно раздражаясь от его непонятливости.

– Как? – удивился Юрий.

– Набери в любом поисковике: семена подсолнечника, цены. Введи ограничения по времени: последние три дня, – прошипела мама и добавила почти брезгливо: – Гуманитарий!

Пятиминутный серфинг в сети показал следующее: за последнюю неделю цена семян подсолнечника на Роттердамской бирже подскочила почти на треть – с 360 до 470 долларов за тонну.

– В общем, Гитлер капут! – прокомментировал ситуацию Юрий, радостно потирая руки. – Переходим на орехи!

Однако мама, похоже, не разделяла его веселость и была настроена весьма серьезно.

– Да не разоримся как-нибудь на масле-то, – пожал плечами Юрий. – А без семечек вообще обойдемся. Зубы целее будут.

– Олег Петрович умер, – трагичным тоном неожиданно произнесла мама.

– Когда? – пробормотал Юрий.

Сам факт, что кто-то умер, сбил его веселый настрой, хотя он понятия не имел, кто такой этот самый Олег Петрович.

– Не знаю, когда, – огрызнулась мама. – Может, и не умер вовсе. Но почти наверняка умер. Теперь они будут искать наследника.

– Какого наследника? – растерялся Юрий. – Кто вообще этот Олег Петрович? И почему ты говоришь, что он умер, если ничего толком не знаешь и ни в чем не уверена?

– Семечки подорожали, – развела руками мама, словно приглашая невидимых слушателей их разговора быть свидетелями безграничной глупости своего сына. – Это верный признак. И я знаю, что он в последнее время сильно хворал.

Юрий почувствовал, что у него заболела голова. Не то чтобы вся, а как-то частично: в правом виске забился пульс, каждый удар которого стал отдаваться в затылок. Мигрень, наверное. Бессмысленный разговор утомил его. Чертовщина какая-то! Ему вспомнился Булгаков с его незабвенной Аннушкой, разлившей масло у трамвайных путей на Малой Бронной. Почему подорожание подсолнечника было верным признаком смерти Олега Петровича? Не то, что он «в последнее время сильно хворал», а именно подорожание семечек? Он так любил семечки? Хотя нет, похоже, это они его любили. Раз подорожали в связи с его кончиной. И самое главное: кто вообще этот Олег Петрович?

– Это друг твоего деда, – словно читая его мысли, рассеянно произнесла мама, раскладывая купленные продукты по полкам холодильника.

Юрий деда помнил плохо. Тот умер, когда Юрию было лет десять. Он жил на юге, у моря. И несколько раз летом мама возила Юрия туда. Он помнил, как дед сажал его к себе на колени и о чем-то расспрашивал – то ли о доме, то ли о друзьях в детском саду, а потом и в школе. От деда пахло табаком и чем-то еще, что в совокупности образовывало крепкий стариковский запах. Сколько лет уже прошло, а Юрий снова почувствовал его, как будто дед совсем недавно был здесь, может быть, даже прямо сейчас стоял в коридоре.

– Друг? – рассеянно переспросил Юрий.

Смерть незнакомого ему Олега Петровича и мысли о деде окончательно испортили ему настроение. И боль в голове усилилась.

– Надо выпить анальгин, – подумал Юрий.

– Да, лучший друг, можно сказать, – кивнула мама. – В юности они, насколько я знаю, были не разлей вода. Именно тогда они и учредили Братство подсолнуха.

– Что учредили? – хмыкнул Юрий.

Но мама, казалось, не разделяла его скепсис.

– В начале шестидесятых, – пояснила она серьезным голосом, – двое подростков из Мариуполя учредили Братство подсолнуха. Одним из них был твой дед Григорий Михайлович, а вторым – его закадычный друг Олег Петрович. Впрочем, тогда их, конечно, все звали просто Гришей и Олегом. Дед давно умер, а вот Олег Петрович, как я подозреваю, скончался на днях. И мы, я думаю, скоро узнаем это точно. Если семечки подорожали не просто так.

– Из-за траура? – снова хмыкнул Юрий.

– Не ерничай! – огрызнулась мама. – Если я все правильно просчитала, то ты, возможно, теперь главный наследник. И, если честно, я даже не знаю, хорошо ли все это. Я не уверена, что тебе это будет на пользу.

– Наследник чего? – поинтересовался Юрий.

– Главный претендент на то, чтобы возглавить Братство, – пожав плечами, пояснила мама. – У Олега Петровича детей не было. Так что неоткуда взяться и внукам. А возглавлять Братство, насколько я знаю, должны прямые потомки основателей.

– Ты, например, – фыркнул Юрий. – Ты же тоже наследница?

– В принципе, да, – задумчиво произнесла мама, бросив на сына проницательный взгляд.

– А когда я возглавлю Братство, мне придется грызть семечки каждый день? – захохотал Юрий. – А масло? Бутылка оливкового в кладовке уже будет считаться предательством?

– Не ерничай! – перебила мама. – Все гораздо серьезней, чем ты думаешь. С шестидесятых годов и двух подростков, лузгающих на пирсе семечки, многое изменилось. Сейчас Братство контролирует чуть ли не весь мировой рынок подсолнечника. А это большие деньги.

– Если все так серьезно, то почему тогда ты никогда мне не рассказывала об этом Братстве? – фыркнул Юрий. – Ни с кем никогда не встречалась из этого Братства? Мы же и после смерти деда часто ездили в Мариуполь.

Его не впечатлила идея о больших деньгах, возвращенных на поле с подсолнечником. Вот если бы дед с Олегом Петровичем торговали нефтью. Или прибрали к рукам металлургический комбинат. А тут – семечки! Да и не был дед богатым. Жил он в двухкомнатной хрущевке, обклеенной выцветшими от времени обоями.

– Дед разве богатым был? – поинтересовался он у мамы. – Чего тогда мы ему каждый раз апельсины слали на Новый год?

– Твоего деда почти сразу отстранили от руководства Братством, – неохотно, словно сомневаясь в том, следует ли это рассказывать, произнесла мама. – Еще до того, как он женился на моей маме. У них с Олегом Петровичем произошла какая-то ссора. Дед не любил о ней говорить. Слишком дорого она ему обошлась. Так или иначе, но он вышел из Братства. Хотя

и рассказывал мне о нем. Он всегда верил, что когда-нибудь наша семья в него вернется. Когда я разговаривала с ним в последний раз, он сказал, что после смерти Олега Петровича ты сможешь претендовать на роль главы.

– Подсолнечный принц! – хмыкнул Юрий. – Мне нужно мантию заказать?

– Поживем и увидим, – недовольно буркнула мама.

На этом разговор о подсолнухах и масле закончился. Однако недели через две, когда Юрий зашел к матери, та открыла ему дверь, разговаривая с кем-то по телефону. Мама жестом предложила ему пройти в комнату, а сама продолжила беседу с неизвестным на другой стороне линии.

– Хорошо, – сказала она в трубку, – буду ждать. Я очень рада, что вы сможете зайти. До встречи.

Юрий прошел в комнату, не обратив на этот разговор никакого внимания. Он привык, что у мамы всегда полно дел, и ее телефон звонит не переставая.

– Старинный приятель моего отца, – неожиданно пояснила мама, входя вслед за ним. – Олег Петрович действительно в начале апреля скончался.

– Угу, – буркнул Юрий, которому был неприятен новый разговор о Братстве подсолнуха.

– Он сейчас в городе, – продолжила мама, – этот приятель твоего деда. Хочет зайти, поговорить.

– О чем? – хмыкнул Юрий.

– О чем? – возмутилась мама. – Просто человек хочет навестить дочь старого друга. Пообщаться. Что здесь такого? Тем более что тебя никто не приглашает. Я сама с ним встречу.

– Понял, – огрызнулся Юрий, настроение которого почему-то окончательно испортилось.

– Не бойся, – фыркнула мама, – он не привез тебе корону в виде подсолнуха. И оливковым маслом ты все еще можешь пользоваться без всяких ограничений.

– Спасибо, – хмыкнул Юрий.

– Впрочем, если хочешь, ты тоже можешь прийти, – неожиданно предложила мама. – Он зайдет завтра около шести вечера.

– Я лучше воздержусь, – отмахнулся Юрий.

– Как угодно, – отрезала мама.

Как прошла ее встреча с неизвестным другом деда, Юрий так и не узнал. Сама мама ничего ему не сказала, а он не спрашивал. Может, этот заезжий старикашка и вовсе не пришел. Да и бог с ним. Меньше всего Юрию хотелось еще раз слушать что бы то ни было о «подсолнечных братьях», как он их про себя окрестил.

Глава 2

Прошло еще месяца два. Наступил июль – пора экзаменов. Казалось, сессия измотала Юрия ничуть не меньше, а может, даже и больше, чем его студентов. Единственным утешением было то, что отпуск, счастливый летний отпуск был уже совсем рядом. Так близко, что его можно было потрогать руками. И никакого художественного преувеличения в этом не было: билеты к теплому морю были куплены, и по вечерам Юрий часто доставал их из ящика письменного стола, где они лежали, дожидаясь своего часа, и теребил в руках, с наслаждением слушая их бумажный хруст, который напоминал ему шум прибоя.

Юрий давно забыл о нелепом разговоре с матерью и смерти неизвестного ему Олега Петровича, из-за которой в Амстердаме на бирже подорожало подсолнечное масло.

Был солнечный пятничный полдень, когда Юрий с облегчением вышел из аудитории, в которой принимал экзамен по русской литературе восемнадцатого века у очередной стайки (правильнее, учитывая уровень их знаний и вызывающее поведение, было бы даже сказать стаи) студентов третьего курса. Он захлопнул за собой дверь и уже вставил ключ в замок, но потом снова открыл ее и заглянул в залитую ласковыми солнечными лучами и оттого душную аудиторию, чтобы удостовериться, что там точно никого не осталось. Скользя ленивым взглядом по пустым партам, он снова закрыл дверь, запер ее и пошел по скрипучему (сам он называл его музыкальным), разбитому и расшатанному сотнями тысяч шагов паркету коридора в сторону деканата, который располагался за углом на том же этаже. Но свернуть за спасительный угол он не успел.

– Юрий Николаевич! – окликнул его мужской голос, когда до поворота к деканату оставались считанные метры. – Юрий Николаевич, можно вас на секундочку?

– Неужели кто-то из студентов опоздал? – мелькнуло в голове у Юрия. – Придется снова отпирать аудиторию, раскладывать экзаменационные билеты. Но главное даже не это, а то, что опоздавшему олуху придется дать хотя бы минут тридцать на подготовку. И эти полчаса придется просидеть в душной аудитории, ерзая глазами по пыльным портретам писателей, развешенным на стенах. А потом, когда он скажет: «Ну, братец, идите отвечать, пора», – студент будет извиваться всем телом и канючить: «Секундочку, можно еще одну секундочку?» Отвратительно. Но делать было нечего.

– Да? – обернулся Юрий.

Он ожидал увидеть очередного парня в узких девичьих брючках на кривых рахитичных ножках и коротких белых (что за мода нынче пошла!) носочках, не закрывающих щиколотку. Но возле окна стоял одетый в безукоризненный темно-серый костюм мужчина лет под пятьдесят.

– Чей-нибудь отец, – мелькнуло в голове у Юрия.

Вы скажете, что подобная мысль была полной глупостью, плодом расшатанных нервов и измученного от нехватки кислорода в душной аудитории мозга? Вовсе нет. Подобные странные случаи порой имели место в провинциальном педагогическом вузе. Причем чаще других интересовались успехом своих дочерей (реже – сыновей) отцы, которые давным-давно покинули семейство и порой даже жили в другом городе. Они часами готовы были расспрашивать про своих утраченных чад, пытаясь за один раз компенсировать всю отцовскую заботу, распределенную при иных обстоятельствах на пару десятилетий.

– В костюме обрядился. В этакую жару! – мрачно подумал Юрий. – От такого папаши быстро не отделаешься.

Перспектива мямлить что-то хорошее об очередной студентке испугала его еще больше, чем прием экзамена у опоздавшего шалопаю. Но что ему оставалось делать?

– Девочка у вас старательная, – сделав пару шагов навстречу незнакомому господину, уже готов был сказать он дежурную фразу.

– Юрий Николаевич, – опередил его незнакомец, – меня к вам отправила Комиссия.

– Комиссия? – растерянно подумал Юрий. – Неужели он забыл о заседании какой-то комиссии? Только этого не хватало. И за ним послали? Зачем? Чтобы вклеить выговор?

Он посмотрел на белоснежную рубашку и явно дорогой шелковый галстук незнакомца. Нет, при таком посланце его, как минимум, ожидало увольнение. Или еще чего хуже. Однако, что может быть хуже увольнения, он придумать не успел.

– Впрочем, позвольте сначала представиться, – взмахнув руками, ласково продолжил незнакомец. – Меня зовут Янислав.

Он произнес свое имя на польский манер, с ударением на предпоследний слог.

– А по отчеству, простите? – пробормотал Юрий.

– А по отчеству – Казимирович, – все тем же вкрадчивым тоном охотно откликнулся мужчина. – Но я ручаюсь, вам это запоминать абсолютно излишне. Я хоть и пожилой уже человек, но все называют меня просто Яником. И вас прошу.

– Хорошо, Яник Казимирович, – по-идиотски буркнул Юрий.

– Просто Яник, – опять стал настаивать незнакомец.

– Что за комиссия? – подумал Юрий. – С таким-то либерализмом. Тут секретаршу в деканате приходится звать Ангелиной Павловной. А ей лет двадцать, наверное. Но она любовница декана. И нате вам: Яник под полтинник и в шелковом галстуке.

– Комиссия, – продолжил Яник, – которую я представляю, приглашает вас в Таганрог, чтобы оформить, так сказать, ваши права в качестве главы Братства подсолнуха.

– Так вот оно что! – грохнула в голове у Юрия, как медный колокол, мысль. – Доигралась мать со своим маслом и старыми друзьями деда. Ей-то как с гуся вода, а мне теперь придется иметь дело с этим умалишенным.

– Душно таки у вас в институте, – покачал головой Яник. – Кондиционер не работает.

– А тут и нет его, – растерянно произнес Юрий, поразившись тому, что незнакомец мог представить, что в их обветшалом универе вдруг будет установлен кондиционер.

– Таки я и говорю, шо не работает, – закивал Яник, в голосе которого явно прорезался южный акцент, который до этого он, очевидно, старательно старался скрыть из уважения к собеседнику.

Юрий взглянул на Яника и понял, что тот, наоборот, не мог представить, что в каком-то здании не может быть кондиционера.

– Разная ментальность, – машинально подумал Юрий, а вслух произнес: – Что, прямо сейчас в Таганрог? Сразу?

– Да зачем же спешить? – все так же вкрадчиво продолжил Яник. – У меня тут машинка во дворе. Давайте отъедем, посидим где-нибудь в ресторанчике. Шоб с кондиционером. И перетрем все нюансы. А, Юрий Николаевич?

– Да что же я вас Яником должен звать, а вы меня – Юрием Николаевичем? – стараясь хоть как-то потянуть время, чтобы прийти в себя, пробормотал Юрий. – Вы уж меня тоже, пожалуйста, без отчества. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, – охотно закивал Яник.

Юрий тем временем украдкой, чтобы не привлекать внимание своего собеседника, затравленно оглянулся по сторонам. Университетский коридор был совершенно пуст. В деканате, наверное, только Гелька (в смысле – Ангелина Павловна). Толку от нее маловато.

– Может, действительно выйти на улицу? – подумал он. – Там люди. Менты, опять же, какие-нибудь подвернутся. Да или просто послать этого Яника куда подальше, только вежливо, как бы с благодарностью, чтобы не обиделся, и пойти домой?

– Пойдемте, пойдемте, – взял его под локоть Яник.

Юрий в ответ молча кивнул, жестом пригласив своего собеседника идти первым. Вслед за Яником он спустился на первый этаж и мимо дремлющей за стойкой, на которую он положил ключ от аудитории, вахтерши вышел на залитый солнцем университетский двор.

Машину Яника он угадал сразу. Огромный, с хищными раскосыми фарами черный Майбах S560 разительно отличался от обшарпанных драндулетов университетской братии, вкривь и вкось расставленных по периметру квадратного двора.

– Ничего себе машинка! – сглотнул слюну Юрий.

И тут передняя пассажирская дверь Майбаха распахнулась, чтобы выпустить одетого в черный костюм двухметрового амбала. Амбал сделал пару шагов навстречу Янику и застыл, ожидая указаний. Ехать в такой компании куда бы то ни было Юрию категорически не хотелось. А о том, чтобы просто взять и послать Яника, теперь речь и вовсе не шла. В это самое мгновение Юрий как-то сразу понял, что есть вещи куда страшнее увольнения: получить пулю в лоб, например.

Подвела его мамаша под монастырь. Никакие это не клоунские «подсолнечные братцы». Те не ездят на машинах с моторами в 460 лошадей и не имеют телохранителей в черных костюмах, пиджаки которых к тому же как-то подозрительно топорщатся. Никакие это не умалишенные – это самые настоящие бандиты!

Внезапно Юрий почувствовал, что на открытом солнце его стал пробирать озноб. Как будто кто-то включил в университетском дворе чудовищно огромный кондиционер. Причем включил на полную мощность. Так, что зубы Юрия стали предательски клаять.

– Запихнут в машину, увезут, застрелят и выбросят, – понеслись в его голове шальные мысли. – Хотя зачем стрелять? Такой амбал задушит его голыми руками. Так и тише будет. И без крови. И пусть тогда мама посадит на его безвременной могилке подсолнухи. Пусть пожалеет, что втянула единственного сыночка в эту жуткую историю.

– Юрий, вам нехорошо? – участливо поинтересовался у него Яник.

– Может, погуляем? – просипел Юрий, которому никак не улыбалось садиться в проклятую машину. – Тут парк рядом. В двух кварталах. Тенечек. Свежий воздух. А?

– Как скажите, – пожал плечами Яник.

У Юрия немного отлегло от сердца. Не будут же они убивать его на людях? Или будут? Может, и будут. Кто за него вступится? Но все же вероятность самого мрачного разворота событий в парке была существенно ниже, чем в чреве автомобильного монстра с наглухо затемненными окнами.

– Гоша, Жорик, – махнул рукой стоящему перед Майбахом амбалу и кому-то второму, наверное, шоферу, Яник, – мы с паном Юриком трошки прогуляемся. А вы ехайте тихесенько за нами.

Амбал кивнул и влез обратно в машину.

– Ведите! – снова повернулся к Юрию Яник.

При ярком солнечном свете Юрий разглядел своего нового знакомого лучше, чем в университетском коридоре. Яник был ростом пониже Юрия, но обладал гораздо более крепким телосложением. Его явно крашенные в черный цвет слегка вьющиеся волосы были прилизаны к голове, будучи, очевидно, щедро смазанными гелем. Широко расставленные темные глаза были словно подернуты маслом.

– Подсолнечным, – неожиданно подумал Юрий.

От этой шутки ему стало немного легче. И он повел Яника прочь с университетского двора. Они молча прошли два квартала по засаженной липами улице. При этом Майбах все время крался вслед за ними по дороге, вызывая адские протесты в виде надрывных сигналов клаксонов со стороны других водителей, вынужденных объезжать его.

– Вот он, парк, – обреченно произнес Юрий, указывая Янику на арку входа.

У него была слабая надежда, что амбалы останутся в машине. Но, когда они с Яником свернули с тротуара и пошли по пешеходной аллее вглубь парка, Гоша и Жорик, припарковав Майбах, вылезли из него и направились вслед за ними, держась метрах в десяти позади.

– Свернем куда-нибудь в уединенную аллею, – предложил Яник, скептически оглядывая спящих туда и сюда детишек, выгуливаемых бабушками.

– Не надо в уединенную! – с предательски выдавшим его нажимом почти вскрикнул Юрий.

Бабушки с детьми были сейчас единственными его телохранителями. В их окружении он чувствовал себя спокойнее.

– Вы ничего не бойтесь, Юрий, – слегка приподнял бровь Яник. – Городок у вас, конечно, беспокойный. Но с нами же Гоша с Жориком. Так шо вас никто не обидит.

– Ага, – выдохнул Юрий, – ладно тогда.

Ему хотелось сказать, что именно от Гоши с Жориком он как раз и ждал – как это там пишут в криминальной хронике? – противоправных действий. Но признаться в этом он тоже боялся. Нельзя показывать свой страх. Преступники, как хищники, чувствуют это и сразу нападают.

– Ладно, – повторил Юрий, изо всех сил стараясь, чтобы его голос не дрожал, – вон, видите, скамеечка стоит под деревом.

– Таки вернемся к нашему разговору, – начал Яник, когда они уселись на затаившейся на боковой дорожке скамье, а Гоша с Жориком заняли позицию между ними и гуляющими по главной аллее людьми, отрезая тем самым Юрию путь к спасению. – Последние события в Братстве требуют вашего присутствия. Олег Петрович, как вы, наверное, знаете, отошел в мир иной. При этом место главы Братства оказалось вакантным. Комиссия лишь формально назначает главу, поскольку список возможных претендентов изначально узок и оговорен хартией, подписанной отцами-основателями.

– Это должен быть их прямой наследник? – выдавил из себя Юрий, стараясь проявить хоть какой-то интерес к неприятному для него разговору.

– Совершенно верно, – обрадовался Яник. – А у Олега Петровича детей не было. Нет соответственно и внуков. Таким образом, вы, Юрий, являетесь первейшим претендентом на то, чтобы возглавить наше Братство.

Собственно говоря, ничего нового для Юрия в этой информации не было. То же самое еще весной ему рассказала мама. Но он, как мог, старался затянуть разговор, не без оснований опасаясь, что, как только закончатся слова, его навязчивые спутники перейдут к действиям, в полицейских протоколах именуемым противоправными.

– Первейший претендент, вы сказали? – лучезарно улыбаясь, поинтересовался он у Яника, чтобы потянуть время в надежде на то, что в чертов парк заглянет какой-нибудь наряд полиции, желательно в бронезилетах и вооруженный автоматами. – Значит, есть еще и, как бы это выразиться, вторейший?

– Есть и вторейший, и третейший, – не менее лучезарно улыбаясь, подхватил предложенный им шуточный тон Яник. – Но, – разом убрав с лица улыбку, добавил он: – это нежелательно. Поэтому Комиссия ждет именно вас.

– Нежелательно? – пробормотал Юрий.

– Да, – отрезал Яник. – Мы не заинтересованы в других претендентах.

– Но я практически ничего не знаю о Братстве, – развел руками Юрий. – Не думаю, что я буду вам полезен. Да я, если честно, и сам не хочу – как бы это сказать? – быть в тягость.

У него оставалась слабая надежда, что подсолнечная мафия, как про себя он успел окрестить Яника и компанию, отвяжется от него, коли сам он не станет проявлять интерес к их делам.

– А что вы хотите знать о Братстве? – поинтересовался Яник, руша последние пути Юрия к спасению.

– Даже не знаю, – растерялся Юрий. – Как все начиналось, например.

– Начиналось все очень даже просто, – вкрадчивым тоном начал Яник. – Как-то летом в начале шестидесятых годов двое мариупольских пацанов сидели на пирсе водной станции металлургического комбината «Азовсталь» и лузгали семечки. Одного из них звали Гришей, а другого Олегом.

Глава 3

– И шо, прямо так и отдал часы? Снял с руки и отдал? – раздраженно допытывался подробностей тощий и загорелый, как деготь, Олег.

– Ага, – нарочито вежливо в десятый раз, наверное, повторил бледный очкарик Гриша, выплюнув лузгу от семечек прямо в набегавшие на пирс мелкие волны.

– Так расскажи хоть, как все было? – с прежним раздражением продолжал настаивать Олег.

Подробности произошедших событий, по-видимому, вызывали у Гриши неприятные чувства. И в подробностях пересказывать историю своего позора было для него болезненно. Поэтому, поморщившись, он еще раз попытался сменить тему разговора.

– Знатные семечки, – произнес он, взяв еще горстку пузанка из свернутого из газеты кулечка, который лежал на прогретом солнцем пирсе между приятелями. – У бабы Фаи брал?

– Ага, – кивнул Олег.

– Той, шо за «Юностью» торгует? – уточнил Гриша.

– А ты другую бабу Фаю знаешь? – огрызнулся Олег.

– Не, просто уточнить хотел, – всячески стараясь затянуть разговор, произнес Гриша.

– Ты про часы давай, – вернул его к неприятной действительности его собеседник. – В подробностях. Что произошло?

– Тут, на бульваре было дело, – вздохнул очкарик, кивнув куда-то за спину в сторону Приморского бульвара. – Где скифские бабы. Я мимо шел. А там три парня стояли. Один из них взял палку и воткнул – камень-то пористый – одной из этих баб под живот. Так, что она торчала. И говорит своим дружкам: вот, мол, теперь это скифский мужик. Ну, я и хмыкнул.

– Хмыкнул? – укоризненно покачал головой Олег.

– Хмыкнул! – огрызнулся его очкастый приятель. – Смешно же? Нет? Скифский мужик.

– Ладно, а парни эти шо? – сморщился Олег.

– Постой, сказали, фраерок, – промямлил Гриша. – Я и стал. А шо оставалось делать? Гляжу – это гопники. Наверняка со Слободки.

– Так и написано на них было? – ехидно заметил Олег.

– Нет, написано не было, – подчеркнуто не замечая издевку, продолжил Гриша. – Просто вижу, шо парни крепкие, в кепочках таких и в клешах. Кто еще, как не гопники? Пижоны с Бродвея кепочек не носят. Так?

– Так, – неохотно признал Олег.

– Вот! – закивал Гриша. – Стал, значит, я. А гопники мне и говорят: шо это, мол, за котлы у тебя, покажи. Я им руку с часами-то протянул. А они хохочут: мол, дай, чтобы мы сами посмотрели. Снял я часы и отдал им. Один из них их на руку себе нацепил. Иди, сказал, гуляй дальше. Я и пошел. А часики у них остались.

– Я же их только неделю назад тебе подарил на день рождения! – возмущенно покачал головой Олег. – «Восток»! Роскошные тикалки. Знаешь, сколько я на них копил?

– Знаю, – вздохнул Гриша. – А шо было делать? Махаловку с тремя гопниками со Слободки устраивать, да? Шоб там от меня осталось?

– Зачем махаловку? Бежать надо было, – процедил Олег.

– Ага, – неожиданно разозлился Гриша. – Куда? К ним же на Слободку?

– В порт.

– В порт? Ты молодец! – взвился от подобного предложения приятеля Гриша. – Там сколько бежать? Километра четыре, да? Я шо тебе – Юрий Гагарин, шоб так бегать? А если б догнали, так бы отметили, шо мама не горюй. И часы бы все равно отобрали. Мне бы не оставили.

- Угу, – буркнул Олег.
- Шо – угу? – пошел в наступление его приятель. – Я в чем-то не прав? Ты бы не так поступил? Ты бы чукался с ними, да?
- Да ладно, – неохотно признал Гриша, – не чукался бы. Чего тебя вообще понесло вчера на пляж?
- Бычка я шел ловить на волнорезы, – огрызнулся Гриша.
- При новых часах?
- А шо? Их надо было только по праздникам носить?
- Так волнорезы, вон они где, – ткнул костлявой рукой в сторону порта окончательно теряющий инициативу Олег. – Как ты оказался возле этих скифских баб?
- Как? – задохнулся от праведного гнева Гриша. – Я всегда через овраг спускаюсь к бабам этим. Как будто ты не знаешь! И бабы меня ни разу не трогали. Кабы не гопники со Слободки...
- Ладно, по кругу пошли, – вздохнул его приятель.
- Нет, ты мне объясни, – продолжил наступление очкастый Гриша, – как бы ты поступил на моем месте? Не стал бы хихикать над этой их палкой? Так они бы еще к чему придрались. Нашли бы. Как бы ты поступил?
- Да так же, – неохотно пробурчал Олег. – Фраера мы с тобой против гопников.
- Угу, – кивнул Гриша и примирительно добавил: – Знатные, говорю, семечки.
- Несколько минут приятели сидели молча, лузгая семечки и болтая босыми ногами, до которых тщетно силились дотянуться набегавшие на пирс мутные волны. На соседнем причале, там, где была лодочная станция, застрекотал мотор катера. И голубоватый дымок донес до ноздрей приятелей запах бензина.
- Ненавижу, – пробормотал Олег.
- Шо ты ненавидишь? – поинтересовался Гриша, поправив очки, которые стали сползать с его вспотевшей на жарком солнце переносицы.
- Да гопников этих, – процедил его приятель.
- Кто ж их любит, – хмыкнул Гриша.
- Почему так все устроено – по-ихнему, а не по-нашему? – возмущенно продолжил Олег.
- Ты меня спрашиваешь? – огрызнулся Гриша и добавил, очевидно, подслушанной где-то фразой: – Сила на их стороне!
- Вот я и говорю: почему так? – еще больше распалился Олег. – Нам надо объединиться в братство, ходить везде большой шарой – тогда нас никто не тронет.
- А кого ты в нашу шару-то возьмешь? – хмыкнул Гриша. – В братство наше? Кольку из пятой квартиры? Так он хромой. Или Валерку из нашего класса? Так он трусливей девчонки.
- Надо авторитетных пацанов взять. Хоть бы даже тех же пижонов с Бродвея. Они слободских гопников не сильно жалуют.
- Авторитетных? Да кто с нами якшается кроме таких же дохляков, как мы сами?
- А шо? Будут якшаться.
- Пижоны?
- Хоть бы и пижоны.
- С какого переляку?
- Чо ты ко мне привязался, как прокурор? – снова разозлился Олег. – Я с тобой обсуждаю, как нам в авторитеты выйти, а ты только все мои мысли распугиваешь.
- Шо тут распугивать? – отмахнулся Гриша. – Шобы пацанов объединить, надо или кулаки здоровые иметь, или деньги. Кулаки у нас с тобой не ахти, да и денег нема.
- Значит, надо заработать, – воодушевился Олег.
- Как? – фыркнул Гриша, сплюнув лузгу в мутную волну.

– Да хоть бы на семечках тех же, – выпалил Олег. – Представляешь, сколько зарабатывает каждая бабка, которая ими торгует?

– Копейки, – хмыкнул Гриша.

– Прямо так и копейки! – возмутился Олег. – Да баба Фая по два ведра в день расторгивает у своего подъезда. Ты пересчитай на стаканчики: маленький – десять копеек, большой – пятнадцать. Ты посчитай.

– Копейки, – упрямо повторил Гриша.

– Ладно, пусть и копейки, – после небольшой паузы, в течение которой Олег мучительно пытался перевести восьмилитровое ведро в стаканы, а последние – в рубли. – Но такие бабки сидят чуть не в каждом дворе.

– Так ты рядом хочешь сесть? Или по пляжу ходить? – осклабился Гриша, снова поддернув средним пальцем сползающие с носа очки, и, передразнивая пляжных торговков, заголосолил: – Семочки! Семочки! Вкусные жареные семочки!

– Заткнись! – окрысился на него приятель. – Не знаю я. Я просто хочу сказать, шо деньги можно на мелочевке зарабатывать.

– Тогда важен объем, – развел руками Гриша.

– Вот! – обрадовавшись поддержке друга, закивал Олег.

– Так шо тут – вот? – фыркнул Гриша. – Мы шо, гопников пошлем на пляже семечками торговать?

– Ну, когда-нибудь, может, и пошлем, – прищурился Олег, задумчиво протянул. – А пока надо этих бабок, что во дворах семечками торгуют, под себя взять.

– Чего? – хмыкнул Гриша. – Это как?

– Ну, например, подрядиться им семечки закупать, – начал Олег. – Они же для этого на базар ездят. А это время. Да и таскать тяжело. Если по два ведра в день. Да даже по ведру – и то. Мы привезем, а они нам будут, скажем, по пять копеек с рубля за это платить. Дальше: если мы, скажем, договоримся с пятью или семью бабками, уже будет по десять ведер ежедневно. За такое количество нам торгош на базаре скидку даст. А стаканчик-то у бабок дешевле не станет, правильно? Значит, уже дополнительные доходы. Потом: у меня дядька в деревне живет, в колхозе работает. Они подсолнух засевают на силос, да потом нужную спелость пропускают. И он уже на зеленую массу не годен. Знаешь, шо с ним делают?

– Не знаю, – хмыкнул Гриша.

– А ничего не делают, – торжествующе выпалил Олег. – Просто осенью запахивают – и все дела. А если его убрать и ошелушить семечки? Это же копейки будет стоить – все равно же выбрасывать! А у нас бы свое сырье появилось. Понимаешь? Уже не надо было бы на базаре его покупать.

– Тогда и жарить можно где-нибудь на всех сразу, – предложил Олег.

– Правильно! – завопил Олег. – Поставить несколько плиток, посадить пару работниц...

– Ты, я смотрю, размахнулся со своим Братством подсолнуха, – хмыкнул Гриша.

– Вот и название готово! – похлопал друга по плечу Олег. – Братство подсолнуха! Куда уж лучше? Подпишем с тобой хартию. И будем его организаторами. А после нас его возглавят наши дети, потом внуки. Главное, чтобы пацаны были. В таком деле мужская рука нужна.

– Далеко ты хватил – внуки! – захохотал Гриша. – Скажи еще – потомки наши. Это же не в космос к Марсу лететь. Или в какую-нибудь отдаленную галактику.

– Полетит ли кто к Марсу в твою галактику или нет – никто не знает, – запальчиво воскликнул Олег. – А семечки здесь лугать еще долго будут. А потом, может, и на Марсе тоже. Если полетят.

– Ага, на Марсе! Понеслась коза по ипподрому, – захохотал Гриша.

– А шо? – продолжал горячиться Олег.

– Давай сначала хотя бы с бабой Фаей договоримся.

– И договоримся. Завтра же пойдем и договоримся. И хартию подпишем. Чтобы обратного пути не было.

Глава 4

– Значит, дедушка мой со своим дружкой начинали с рэкета? Как мило, – хмыкнул Юрий.
– С часиков все началось, если не забыли, с отжатых гопниками часиков, – назидательно подняв указательный палец, уточнил Яник.

– Но откуда такие подробности? Не вчера ведь все было. И герои тех событий уже умерли.

– Ох, Юрий! – покачал головой Яник. – Все в Братстве знают эту историю. Передается, не устаревая, из уст в уста. Может, конечно, все и не совсем так было. Но дело не в деталях, а в сути. Так ведь? Вы меня попросили рассказать вам, как все начиналось. И извольте: так вот и начиналось.

– И, стало быть, я теперь главный наследник?

– Да, прямой, – как китайский болванчик, закивал Яник.

Разговор, похоже, начал ему надоедать. Юрий заметил, что его собеседник бросил быстрый взгляд на толкущихся неподалеку Гошу и Жорика.

– Шас он им подмигнет, – мелькнуло в голове у Юрия, – они глушители прикрутят к стволам – и одним наследником станет меньше. И никакие бабушки с внуками меня не спасут. Цветочки, солнышко. Блин, как жить-то хочется в такой день!

Юрий окинул парк прощальным взглядом. От страха и жалости к самому себе дыхание у него перехватило.

– Другие? – просипел он.

– Шо – другие? – не понял Яник.

– Вы же говорили, что другие наследники есть, – уточнил Юрий, через силу выдавливая из себя почему-то скребущий горло воздух.

– А, вы про это! – улыбнулся его собеседник. – Да, говорил, шо имеются. Детей, как вы уже знаете, у Олега Петровича не было. Но была сестра, которая в свое время родила дочку. А у дочки родился сын по имени Арсений. И Олег Петрович этого внучатого племянника сильно к себе приблизил. Так шо он теперь – еще один претендент.

– Ага, – с надеждой выдохнул Юрий. – А вы что-то говорили и про третьего?

– Да, – неохотно кивнул Яник. – Но о нем даже и говорить не стоит. Седьмая вода на киселе. К подписанной учредителями хартии он имеет весьма косвенное отношение. И возглавить Братство смог бы только при крайне специфических обстоятельствах.

– И все же, – пробурчал Юрий. – Может, – как бы это сказать? – короче, я бы уступил. Сене этому, например.

– Сене, как вы изволили его повеличать, ничего уступать не надо, – захихикал Яник, очевидно, придя в полнейший восторг от той фамильярности, которую Юрий позволил себе по отношению к незнакомому ему протеже Олега Петровича. – Арсений все свое из плотки вырвет у любого. И он бы вам, Юрий, место главы Братства ни за что не уступил. Будь на то его воля. Да только есть один казус: Комиссия, что руководит Братством, хочет, чтобы во главе нее стояли именно вы.

– Так попросить? – почему-то не испытав никакой радости от подобного комплимента, пробормотал Юрий.

– Бесплезно, – пожал плечами Яник. – И Комиссия уже ждет вас в Таганроге. Потому как в Мариуполе сейчас неспокойно.

Последнюю фразу Яник произнес доверительным тоном, слегка придвинувшись при этом к Юрию, словно намекая на какую-то только им одним понятную тайну.

– И ничего нельзя поделат? – столь же доверительно предложил в ответ Юрий, который чувствовал, что перспектива поездки в Таганрог приобретает все большую и при этом весьма нежелательную реальность.

– Ничегошеньки, – все так же доверительно покачал головой Яник.

– Но я же... – начал было Юрий, но голос его неожиданно окончательно сел, и он мог лишь смотреть на Яника умоляющим взглядом.

– Я вас понимаю, – неожиданно сжалился над ним его собеседник, – вы хотите сказать, шо не требуете чего-то лишнего, а, напротив, готовы отказаться от предлагаемого. Но дело в том, что Арсений этому никогда не поверит. Просто потому, что он сам бы никогда и ни за что на свете от такого не отказался. А если Арсений не поверит, то от него можно будет ожидать чего угодно. Поймите, Юрий, речь идет о больших деньгах.

– Да какие же там деньги-то? – взмолился Юрий. – На семечках?

– Поверьте мне, – перебил его Яник, – деньги очень интересные. И за эти деньги Арсений из вас душу вытрясет.

– Это в каком же смысле? – чуя недоброе, поинтересовался Юрий.

– Да в самом прямом, – подтвердил худшие его опасения Яник. – И только Братство сможет вас защитить. Но это при условии, что вы его возглавите. Пока же, извините, вы для нас человек посторонний. И если откажитесь от нашего предложения, то таковым и останетесь. Арсений же, даже возглавив Братство, никогда не поверит в то, что вы для него безобидны. И тогда...

– Я понял, – обреченно кивнул Юрий, когда Яник взял многозначительную паузу.

– ...тогда никто не будет его останавливать, – закончил свою мысль Яник.

– Угу, – кивнул Юрий. – Я матери могу позвонить? Чтобы сказать, что улетаю. Она кота будет кормить.

Никакого кота у Юрия не было. Он вообще больше любил собак. Несчастную тварь божию он придумал исключительно для того, чтобы Яник позволил ему сделать звонок. А звонок нужен был ему, чтобы Яник понимал, что о его поездке знают. И если, не дай бог, с ним что-то случится, полиция будет знать, где искать его или его труп. Впрочем, перспектива с трупом его, конечно, не очень устраивала.

– Попал! – бродила в его голове шальная мысль. – И от дедушки ушел, и от бабушки ушел. Хотя что он несет? Дедушка его как раз и настиг со своими юношескими проказами. Сам из Братства вовремя выскочил, а внучка подставил.

– Так я могу позвонить? – уставился он остекленевшим от ужаса взглядом на Яника.

– Конечно, конечно, – закивал тот.

– Никого не боится! – подумал Юрий. – Все схвачено! Все куплено! Что делать? Куда бежать?

Он бросил взгляд на толкущихся метрах в пятнадцати Жорика и Гошу и понял, что бежать некуда. Поэтому, встав со скамейки, он набрал мамин номер.

– Ко мне пришли, – буркнул Юрий в трубку.

– Кто пришел? – не поняла мама.

– Из Братства.

– Да ладно! – неожиданно обрадовалась мама, и этот ее веселый тон окончательно вывел Юрия из равновесия.

– Мам, чего делать-то? – заканючил он в трубку. – Они хотят отвезти меня в Таганрог. Прямо сейчас.

– Так поезжай, – фыркнула трубка.

– Поезжай? – зашипел Юрий. – Поезжай! А меня не грохнут в дороге? Или в Таганроге? Как там про царя-то писали: он царствовал в дороге и умер в Таганроге, а?

– Ты же не царь, – снова фыркнула мама.

– И что с того? – снова заныл Юрий. – Тут такие мужики. По-моему, это просто бандиты. Я боюсь.

– Все будет хорошо.

– Что будет хорошо? Я тебя не понимаю: у тебя что, сыновей еще дюжина?

– Чего они от тебя хотят в Таганроге?

– Там будет заседать Комиссия. Я должен возглавить Братство.

– Так это же прекрасно.

– Что прекрасно? Это они так говорят. А что там будет, никто не знает. Вернее, я не знаю.

Звони-ка ты лучше в полицию.

– Зачем? – возмутилась трубка. – Что я им скажу?

– Скажешь, что сына захватила в заложники банда. Пусть шлют спецназ с автоматами, – возмутился Юрий.

– Да не полиции, – мама явно чего-то недопонимала. – Братству я что скажу?

– Зачем с ними разговаривать? – взвыл Юрий. – Они меня кончат сейчас. Вопрос только в том, где – здесь или в Таганроге.

– Да не бойся ты их, это свои, – оборвала его мама.

– Свои? – возмутился Юрий настолько громко, что его услышал любезно отошедший в сторонку, чтобы не мешать разговору, Яник, который в ответ помахал ему рукой, и Юрий поспешно снова понизил голос почти до шепота: – Хороши свои.

Тот факт, что мама явно была не на его стороне, окончательно подкосил его.

– Ладно, – буркнул он в трубку, – до связи. Если что, не поминай лихом.

Сунув телефон в карман, он подошел к Янику.

– Таки едем? – поинтересовался тот.

Юрий мрачно кивнул. Яник махнул рукой Жорику и Гоше, и амбалы направились к машине. Юрий на подкашивающихся от страха ватных ногах вместе с Яником направился вслед за ними. И вот уже небо не казалось ему таким голубым, как раньше. А птицы... Он готов был расцеловать каждого копошащегося в парке воробья просто за то, что он есть и не собирается убивать его.

– Мне тридцать лет всего, – мысленно обратился он к птицам, ища у них поддержки, – я так мало пожил!

Но тут он вспомнил, что где-то читал, что воробьи как раз столько в среднем и живут. А значит, с точки зрения воробья жизнь его подходит к вполне логичному концу.

– Вот же ж... – простонал про себя Юрий. – Как же ж! Эх!

Внезапно он решил пойти ва-банк. Ходить вокруг да около и дальше у него не было сил. Так тяжело больной отчаянно спрашивает: «Доктор, у меня рак?» При этом он, конечно, ждет ответ: «Нет, батенька, нет у вас никакого рака». А что, если ему скажут: «Да, конечно, у вас рак. Причем четвертой степени. А вы как думали?» Что делать после этого?

– Яник! – прервал поток своих мыслей Юрий.

– Да? – тут же откликнулся его спутник.

У Юрия сложилось впечатление, что его новый знакомый ждал чего-то подобного. Ждал, что Юрий все-таки выкажет свой страх.

– Можно, я откровенно спрошу? – поинтересовался Юрий.

– Юрий, мы же с вами вообще говорим предельно откровенно, – взмахнул руками Яник, источая просто неприличную приветливость.

Так продавцы, получающие процент с продаж, пытаются продать вам норковую шубу. Беда была в том, что Юрий не собирался ничего покупать у Яника. Да тот, если уже совсем честно, и не был похож на продавца. Зато обладал двумя зверского вида телохранителями. При таком раскладе приветливость Яника больше смахивала на издевательство.

– Глумится, – подумал Юрий. – Глумится над жертвой.

Прочистив кашлем пересохшее горло, он все же выдал из себя давно мучавший его вопрос:

– Скажите прямо, вы меня не убьете?

Яник в ответ расхохотался. Но смех этот, как показалось Юрию, был не очень убедительным.

– Seriously, – продолжил он, – я боюсь. Эти ваши Гоша и Жорик, монструозный Майбах, сомнительная поездка в Таганрог...

– Гоша и Жорик – милые мальчики, – продолжая хохотать, замахал руками Яник. – Поверьте, Юрий, если бы мы хотели причинить вам вред, мы бы давно это сделали.

– И все же, – продолжал настаивать Юрий. – Ко мне приезжают, говорят, что я должен что-то возглавить. Что-то, что даст мне возможность ездить на Майбахе и что, следовательно, стоит очень много денег. Это кто же получает такие предложения? За такие предложения надо бороться. А тут! Подозрительно.

– Считайте, что вам повезло, – уже серьезно добавил Яник.

– Ой, – недоверчиво вздохнул Юрий.

Он хотел еще добавить про сыр в мышеловке, но понял, что это излишне.

– Можно, я тоже буду с вами откровенен? – взял его под локоток Яник и, не дожидаясь ответа, который, впрочем, был очевиден, продолжил: – Для того чтобы вас убить, мне не нужны были Жорик с Гошей. Да и Майбах тоже. Вы, конечно, хороший человек, но, я сильно извиняюсь, не из тех, кого трудно убить.

Юрий вздрогнул и взглянул на Яника. В его черных масляных глазках он увидел ответ: Яник не врал.

– Братство, поверьте мне, очень хорошо к вам относится, – столь же доверительно продолжил Яник. – И если кто-то когда-то заставит вас в этом усомниться, помните: это его личное мнение.

– Угу, – не совсем поняв последнюю мысль своего спутника, пробурчал Юрий, которому от откровений Яника немного полегчало. – Ладно.

Они подошли к машине. Юрий никогда не ездил на таких. Распахнув заднюю дверку, он ожидал увидеть огромный диван, на котором могут, учитывая внушительную ширину Майбаха, усестись человек пять. Однако на заднем сиденье было всего два кресла из белой кожи, разделенных широким и тоже кожаным столиком. Когда он сел, то почувствовал, что кресло глубокое и мягкое, с какой-то подушечкой под ноги. Больше всего было похоже на кресло в стоматологии.

Захлопнув за собой дверку, Юрий полностью отгородился от внешнего мира. И ему снова стало не по себе. Майбах бесшумно рванулся с места, стремительно набирая скорость.

– Кондиционер, – блаженно пробормотал устроившийся во втором заднем кресле Яник.

– В Рузановку? – спросил его сидевший за рулем амбал.

– Зачем в Рузановку? – удивился Юрий. – Это ж военный аэродром!

– Ага, – подтвердил Яник. – Мы всегда летаем с военных, где они, конечно, имеются. Не люблю все эти ваши «аэрофлоты»: шум, давка, суэта. А тут – благодать! Тихо, спокойно, литаки стоят ржавенькие у бордюрчиков и никому не мешают. Поле всегда свободно. И люди очень уважительные. Причем за весьма умеренную плату.

– Цыпленки тоже хотят жить, – хмыкнул с переднего сиденья то ли Жорик, то ли Гоша.

– Кысунчик, я тебя о чем-то спрашивал? – ледяным тоном поинтересовался Яник.

– Виноват, – испугался амбал.

– Нет дисциплины, – вздохнул Яник, снова обращаясь к Юрию и словно ища у него поддержки. – Гарные хлопцы, но болтливы не в меру.

Юрий натянуто улыбнулся. Так, чтобы амбалы с передних сидений не могли этого заметить.

– А на чем же мы из Рузановки полетим? – вернулся к начатому разговору Юрий. – На военном?

– Да побойтесь бога, Юрий! – отмахнулся от него Яник. – Я же вам говорю: усе ржавые, как помойные ведра. У нас там свой стоит. На котором мы прилетели.

– Самолет? – на всякий случай уточнил Юрий, который никак не мог привыкнуть к степени зажиточности подсолнечных братьев.

– Да какой там самолет, – поморщился Яник. – Так, одно название. Маленький «бомбардирчик».

– Понял, – кивнул Юрий.

Некоторое время они ехали молча.

– Ладно, я уже понял, что на семечках можно сделать интересные, как вы выразились, деньги, – вдруг брякнул Юрий.

Он сам понимал, что его интерес к финансовым вопросам на данном этапе общения с Братством мог считаться неуместным, но был не в силах побороть свое любопытство. Тем более что от размера этих денег, как он предполагал, зависела его судьба. Чем больше была цена вопроса, тем опаснее могли быть последствия его общения с новыми знакомыми.

– И все-таки, – развил он свою мысль, – сколько же все это может стоить? Все эти бабки с семечками? Скажем, десять миллионов в год? Больше?

– Больше, – кивнул Яник.

– Намного?

– Угу, намного.

– И сколько же?

– Видите ли, Юрий, – начал Яник, – я рассказал вам только самое начало истории Братства. Как вы и сами знаете, самые крупные дела начинались порой с самых малых и незначительных поступков. Не думаете же вы, что мы до сих пор снабжаем семечками бабок, сидящих у подъездов? Давно нет тех бабок. Не осталось ни лавочек, ни семечек. Вместо них стоят автомобили, и злобные мамыши выгуливают вокруг своих них детей-психопатов. А семечками сейчас торгуют в супермаркетах. И это, надо сказать, до сих пор выгодное дело. Но Братство подобрало под себя весь процесс, начиная с выращивания подсолнечника и заканчивая производством подсолнечного масла, которое также продается в тех же супермаркетах, которых, кстати, у нас тоже около пяти сотен только в Украине. А началось все, как хлопцы и решили, с бабы Фаи. Это чистейшая правда. К ней Гриша с Олегом отправились на следующий же день после их разговора на пирсе.

Глава 5

– Идем! – гаркнул Олег, когда Гриша открыл ему дверь.

– Тише, не ори, – зашипел Гриша, – у меня папаша спит после ночной.

– Идем, – понизив голос, повторил Олег.

– Куда? – буркнул Гриша.

– Как куда? – выпучил на него глаза приятель. – Куда вчера договаривались. Забыл?

К бабе Фае!

– Так ты серьезно вчера говорил? – невольно сам повысил голос Гриша.

– Тише, не ори, – передразнил его Олег. – Или на твой голос папаша не реагирует?

– Да чтоб тебя, – разозлился Гриша.

– Я тебя на улице жду, выходи, – фыркнул Олег и понесся вниз по лестнице.

Минут через пять Гриша вышел из подъезда и присоединился к приятелю, сидевшему на лавочке.

– Ты чо, правда? – буркнул он, явно недовольный затеваемым предприятием. – На шо оно нам надо? С бабками этими якшаться.

– А ты хочешь и дальше тикалки гопникам раздаривать? – ядовито осведомился Олег. – Хочешь?

– Нет, не хочу, – буркнул Гриша, – да только баба Фая нас от них не защитит.

– Защитит, еще как защитит, – захохотал Олег. – Пошли.

С этими словами он вскочил на ноги и направился прочь от подъезда. Гриша нехотя поплелся за ним.

– Только бы бабы Фаи не было на месте, – думал он.

Приятель пересекли свой двор, заставленный новенькими пятиэтажками, вышли на проспект Нахимова и, обойдя гастроном «Строитель», юркнули во двор промтоварного магазина «Юность».

– Только бы... – пробормотал Гриша.

Но надеждам его не суждено было сбыться. Возле первого подъезда, где и всегда, громоздилась на лавке массивная, точно квашня, фигура.

– На месте! – радостно обернулся к приятелю Олег.

– Угу, – промычал Гриша.

Приятель подошли к лавке.

– Баба Фая, – начал Олег, уверенность которого, как показалось Грише, слегка поубавилась, когда торговка подняла на него свои черные цыганские глазки.

– Семочек? – предположила очевидное баба Фая.

– Та не, баба Фая, – как-то нарочито весело произнес Олег, взглянув на приятеля в поисках поддержки, которую он, впрочем, не получил, – у нас к тебе такое серьезное дело.

– Шо, каждому по большому стакану? – захихикала торговка. – Лузгаем по-крупному?

Гриша при этом замечании не смог сдержать смехок. В ответ он получил укоризненный взгляд приятеля.

– Не, мы за другое пришли поговорить, – уже совсем неуверенным голосом промямлил Олег.

– Ша, погоди, – прервала его баба Фая. – Дай хлопчиков покормлю.

С этими словами она взяла щепотку семечек из стоящего на земле прямо между ее широко расставленных толстых ног ведра и швырнула их на асфальт возле лавочки, где копошилась стайка воробьев-попрошаек.

– Горобчики, – улыбнулась баба Фая, – хорошие ребята. Кушайте. Жизнь у вас тяжелая в нашей гадской стране. Одни жлобы кругом. Кушайте.

– Вот, мы тоже об этом же, – попытался перевести внимание торговли с воробьев на себя Олег.

– Ты шо! – зашипел ему на ухо Гриша. – Не надо о политике!

– В смысле не о гадской стране, – поправился Олег, покрывшись мелким потом, когда баба Фая вновь уставилась на него, – а о тяжелой жизни. Потому шо...

Тут он окончательно сбился.

– Хотите горобчикам стаканчик семочек купить? – предположила баба Фая.

– Та не, – махнул рукой Олег. – Хотя, конечно, это тоже можно. Нехай хлопчики кушают.

Но я гутарил за вашу тяжелую жизнь.

– И таки шо с ней? – хмыкнула баба Фая.

– Мы, в общем... – Олег тяжело вздохнул и уставился в землю.

Гриша понял, что все предприятие проваливается подчистую из-за косноязычия и не ко времени проснувшейся робости приятеля. Казалось бы, он должен был этому радоваться. Ведь еще пять минут назад он от всего сердца желал, чтобы бабы Фаи не оказалось на месте. Но сейчас ему почему-то было стыдно: за себя, за Олега и за их общую с воробьями дрянную жизнь.

– Значит, так, – неожиданно для самого себя заговорил он, протягивая торговке монетку, – вот, баба Фая, десять копеек за маленький стаканчик. Высыпьте воробьям. Пусть покушают за наше здоровье.

Пока баба Фая с явным удовлетворением угощала пернатых, Гриша набрал в легкие побольше воздуха, чтобы не переводить дух как можно дольше и успеть договорить задуманную фразу до конца, и продолжил:

– А дело у нас такое: мы предлагаем покупать для вас семечки на рынке, жарить их и, если надо, помогать вам в чем-то еще, что скажете. А за это вы будете платить нам 10 копеек с каждого заработанного рубля.

Воздух в легких закончился, и Гриша замолчал. Краем глаза он заметил, что Олег смотрит на него с восхищением. Впрочем, в этот момент его гораздо больше интересовала реакция на его речь бабы Фаи. Та тем временем, пожевав немного губами, словно искала во рту собственные зубы, подняла лицо к окнам подъезда.

– Лелик! – неожиданно громко заорала она хриловатым голосом. – Лелик!

Из кухонного окна второго этажа высунулся молодой мужик с голым торсом и покрасневшим от жара лицом.

– Чо? – проорал в ответ мужик.

– Лелик, иди до мэнэ, – рявкнула баба Фая, – хочу тэбэ с хлопцами познакомить.

– Теть Фая, я семки жарю, сторят, – гаркнул мужик.

– Та на хвылынку тока, – махнула рукой торговка.

– Сторят, – повторил мужик.

– Та нехай Танька их поворошит пока, – предложила баба Фая.

– Ага, так она и будет, – захохотал мужик.

– Танька! – заорала баба Фая.

В ответ на этот крик в соседнем окне показалась белобрысая голова девчонки-подростка.

– Иди до кухни, повороши семочки! – все таким же зычным голосом продолжила баба Фая, обращаясь к ней.

– Не хочу! – огрызнулась девчонка, на что все еще торчащий в окне Лелик довольно захохотал.

– Не зли мэнэ! – рявкнула баба Фая.

– Ладно, – нехотя крикнула девчонка. – Только недолго.

– Лелик! – снова обратилась к мужику торговка. – Шо ты еще ожидаешь? Шобы я постелила тебе ковровую дорожку на крыльце?

Пока баба Фая громогласно пререкалась с родственниками, Олег и Гриша переглянулись. Они оба явно думали об одном и том же, и мысль эта была написана на их посеревших от страха лицах.

– Нам конец, – едва слышно озвучил незатейливую повестку дня Гриша.

Он хотел добавить что-то еще, но не смог. Чувство самосохранения подсказывало ему, что надо бежать. Срочно. До того, как Лелик выйдет из подъезда. Тогда будет уже поздно. Но ноги внезапно стали ватными, как в тот вечер, когда на Приморском бульваре он встретил гопников со Слободки.

– Бежим в разные стороны, – зашептал ему на ухо Олег. – Тогда он побьет только одного. Я туда, – он взглядом указал в сторону видневшейся невдалеке трубы котельной, – а ты назад, к «Строителю».

– Ага, – тихо заныл Гриша, – тебе, значит, под горку бежать, а мне в горку?

– Так и ему же под горку, – прошипел Олег, имея в виду преследователя.

– И шо с того? – не сдавался Гриша.

– Ладно, я туда побегу, к «Строителю», – сдался Олег. – Давай на раз, два, три.

Прошептав «три», Олег бросился бежать. Было самое время, потому что на крыльце появился Лелик. Он был в растянутых на коленках трениках и домашних шлепанцах на босу ногу. А его голый торс был густо покрыт рыжими волосами.

Гриша смотрел на Лелика вытаращенными глазами, но сил бежать куда бы то ни было, в горку или под горку, у него не было.

– Чо случилось-то? – поинтересовался Лелик у бабы Фаи, подойдя ближе и провозжая недоуменным взглядом улепетывающего в сторону гастронома Олега.

– Тут хлопчики пришли, – кивнула в сторону Гриши торговка. – Второй, правда, куда-то рванулся. Но ты хоть этого запомни.

– Ага, – с готовностью кивнул Лелик, уставившись на Гришу. – Понял.

– Они хочут нам семочки возить с рынка и жарить, – продолжила баба Фая. – Типа помогать. И всего за десять копеек с рубчика.

– То шо надо! – неожиданно воодушевился Лелик.

– А я шо говорю? – хмыкнула торговка. – С тебя жарщик никакой, а Таньку и вовсе не допросишься. А тут они нам товар привезут готовенький. Понял?

– Ага, – кивнул Лелик.

– Я тебя позвала, шобы ты с хлопчиками этими познакомился, – продолжила баба Фая, но, бросив взгляд в сторону «Строителя», уточнила: – С хлопчиком. Мало чо, меня не будет. Шобы знал. Да и хлопчики дохленькие. Так шо ты за ними приглядывай. Шобы их никто не обидел. А то мало ли шо. У нас, как кто робить чо-нибудь начинает, так его тут же и обидят. Понял?

– Понял, – снова кивнул Лелик.

– И ежели они до тебя с чем-то обратятся, – продолжила баба Фая, – то ты им помоги.

– Угу, – промычал Лелик, которого явно обрадовала перспектива того, что жарка семечек отойдет к кому-то другому.

– Мы... да... – пробормотал Гриша, у которого отлегло от сердца.

Однако последствия пережитого стресса лишили его способности соображать. Его руки и ноги слегка дрожали, и он боялся, что это заметят баба Фая с Леликом.

– Лелик, – протянул ему волосатую ручищу мужик.

– Ага, – промямлил Гриша, приняв рукопожатие, – меня Гришей зовут. А моего приятеля, которому... срочно понадобилось уйти, – Олегом.

– Ну, будем знакомы, – пробасил Лелик. – Если чо – обращайтесь.

– А мы, – вернулся к начатой пару минут назад речи немного осмелевший Гриша, – мы тоже готовы помочь вам, чем можем. В плане торговли семечками.

– Тут вот шо еще надо бы, – внезапно воодушевился Лелик, отчего у Гриши снова подкатил комок к горлу. – Газеты нужны, шобы кулечки сворачивать. С газетами вечная проблема.

– Та шо они тебе – родят эти газеты? – возмутилась баба Фая. – Семочки привезут, пожарят – уже хорошо.

– Нет, нет, – затараторил Гриша, почувствовав, что пришел его звездный час, – как раз бумага – вопрос решаемый. Есть даже лучше, чем газета. Что эта газета? От нее руки вечно в типографской краске. Да и разрывать листы приходится. У меня имеется другой источник бумаги – книга! Роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

– А тебя мамка за нее не заругает? За Николаевича? – хихикнула баба Фая.

– Не, не заругает, – отмахнулся Гриша. – Мы этот роман уже прошли в школе в прошлом году. Так что он нам дома теперь без надобности.

– А для нас пойдет, – ухмыльнулся Лелик.

– Еще как пойдет! – с видом заправского торговца, расхваливающего свой товар, продолжил Гриша. – Книга просто замечательная! Старая, еще послевоенного издания, вся рассохлась уже, так что страницы выдираются очень хорошо. И размер аккурат под большой стакан. Там страниц около тыщи – надолго хватит. Я вам завтра же принесу, баба Фая. Завтра же.

Глава 6

С видом победителя Гриша вернулся к своему подъезду. Как он и ожидал, Олег сидел на скамейке, нервно почесывая свою загорелую до черноты шею.

– Цел? – выдохнул Олег, завидев приятеля.

Он вскочил со скамейки и сконфуженно уставился на Гришу.

– Угу, – буркнул тот, упиваясь своей славой на фоне пристыженного друга. – Как видишь.

– Не догнал? – все так же робко поинтересовался Олег. – Под горку-то оно все-таки веселее.

– Так и ему под горку, – напомнил Гриша. – Ты же сам так говорил.

– Ну, – неохотно кивнул Олег. – Так шо там у вас произошло?

– А что ж ты сам не остался посмотреть? – фыркнул Гриша.

– Да ладно, – просительно протянул Олег. – Сдрейфил я, чего уж там. Так шо там было?

– Ничего не было, – фыркнул Гриша. – Только разговоры за дело. Когда будем хартию подписывать?

– Хартию? – разинул рот Олег.

– А кто на пирсе говорил: организуем братство, подпишем хартию, наши дети, наши внуки, – захохотал довольный Гриша. – Так как?

– А шо, вышло?

– Ага.

– По-нашему?

– Теперь получается, что не по-нашему, а по-моему. Потому как ты не вовремя сдрейфил, – огрызнулся Гриша.

– Да хватит уже, – заныл Олег.

– Баба Фая согласна, – деловым тоном сообщил Гриша. – И на наших условиях.

– Десять процентов?

– Ага, десять процентов. Мы должны семечки покупать, жарить и ей приносить.

– Понял.

– А еще... – тут Гриша запнулся.

– Шо еще?

– Еще я пообещал, что мы ей бумагу принесем, чтобы кулечки сворачивать.

– Бумагу?

– Да ты не пугайся так, – фыркнул Гриша, увидев, что приятель снова напрягся всем телом. – Это я беру на себя. Книжку им отдам, «Войну и мир».

– Ага, – послушно кивнул Олег.

– Завтра отнесу. А ты за семечками пойдешь на базар. Понял?

– Понял. А жарить где будем?

– У Ленки.

– Какой?

– Из пятой квартиры. Надо с ней поговорить.

– Ладно, – промямлил совсем потерявший инициативу Олег.

– Я сам поговорю, – уточнил Гриша. – А то ты опять возьмешь да сдрейфишь.

Олег уже открыл рот, чтобы возразить, но, не найдя слов оправдания, лишь глубоко вздохнул.

Ленка была на несколько лет старше Гриши с Олегом. После смерти жены отец Ленки переселился к какой-то тетке на Левый Берег. Так что Ленка теперь жила в квартире одна. Она работала официанткой в ресторане «Украина» и ела на работе. А на своей собственной кухне

ровным счетом ничего не делала. Поэтому плита была постоянно свободна. А плата за газ никак не зависела от объема его потребления. В общем, по расчетам Гриши, звезды вроде бы сошлись...

– А девчонка симпатичная, – прервал его рассуждения Олег.

– Ленка? – удивился Гриша. – Она же старая. Ей уж лет двадцать, наверное.

– Да не Ленка, а та девчонка.

– Какая?

– Ой, можно подумать, шо ты не понимаешь!

– Не понимаю.

– Бабы Фаи родственница, шо семки жарила, пока Лелик с нами гутарил, – возмутился

Олег.

– С твоими пятками Лелик гутарил!

– Но симпатичная же? – пропустив мимо ушей очередной упрек в своей трусости, продолжал настаивать Олег.

– Да когда же ты успел ее рассмотреть? – огрызнулся Гриша. – Ты же дриснул оттуда, как от фрицев.

– И все же...

– Лелику это скажи, посмотрим, чо будет, – фыркнул Гриша. – Догонит он тебя в горку или нет?

– Вот же, – поморщился Олег. – Хватит уже, а?

– Ладно, хватит, – примирительно протянул Гриша. – Да только я серьезно: как ты ее разглядел-то, в окне?

– Белобрысая! – мечтательно протянул Олег. – И глаза голубые.

– Я смотрю, у тебя взгляд орлиный, – хмыкнул Гриша.

– Раз белобрысая, значит, должна быть с голубыми глазами, – пояснил Олег.

– Угу, должна, – фыркнул Гриша. – Скидываемся на ведро семечек. Купим за свои. А баба Фая нам все отдаст, когда расторгнется.

– А что же ты с нее не взял? – заныл Олег. – Где я деньги-то достану?

– Как бы я у нее взял? – огрызнулся Гриша. – Она нас знать не знает. Мы пришли: дайте нам денег на ведро семечек, мы вам его купим, пожарим и привезем. А потом ищи нас! Кто бы дал? А?

– Никто, – удрученно пробормотал Олег.

– Правильно, – кивнул Гриша. – Когда будет доверие, тогда все по-другому пойдет. Так что вот тебе пятерка. Свою добавишь и завтра ни свет ни заря рванешь на базар. Понял?

– Понял, – покорно кивнул Олег.

На следующее утро Гриша, все еще упоенный своей победой над бабой Фаем и Леликом, зашел к Ленке, которая отсыпалась после вчерашней смены. Как он и предполагал, договориться с ней оказалось проще простого.

– А мне чуток семок оставите? – поинтересовалась сонная Ленка. – Я семки люблю полугатать.

– Оставим, конечно, – заверил ее Гриша.

– Тоды жарьте, сколько хотите, – резюмировала Ленка, вручив Грише ключи от квартиры. – Мне газа не жалко.

– Мы днем будем жарить, – заверил ее Гриша, – когда ты на работе. А пока ты придешь, весь жар уже выветрится.

– Ладно, – благосклонно махнула рукой Ленка. – Сказала же: не жалко.

Затем, прихватив увесистую взерошенную книгу с бессмертным произведением графа Льва Николаевича Толстого, Гриша отправился к бабе Фаем. Он рассчитывал найти ее на обычном месте. Однако лавочка оказалась пуста. Гриша поморщился. Ему совсем не хотелось

идти и стучаться в квартиру. Но иного варианта, похоже, не было. Не тащиться же с книжкой обратно домой. Да и что дальше? Потом возвращаться? Нет, уж если они будут бояться общаться с торговками и их родственниками, то дело точно не пойдет. Он вспомнил, как удирал от Лелика Олег. Это неожиданно придало ему силы. Лелик ведь говорил: мол, если что, то обращайся. Да и бумагу для кулечков он сам просил. Так что, если бабы Фаи нет дома и дверь откроет ее обросший шерстью племянник, он будет к этому готов.

Гриша поднял голову и посмотрел на окна, из которых высовывались вчера Лелик и девчонка. Как же ее звали-то? Ах да, Танька. По расположению окон он прикинул, что это должна быть квартира на втором этаже слева. Глубоко вздохнув для храбрости, он шагнул в подъезд.

Звонка не было. Хочешь или не хочешь, а пришлось стучать. Крашенная коричневой эмалью для пола дверь загудела под его робким постукиванием, как пустая бочка. Гриша вздрогнул. Вышло как-то по-хамски. Как выскочит сейчас Лелик, да как даст ему промеж глаз.

– Он же говорил про кулечки, – подбодрил себя Гриша. – Сам говорил.

Не услышав за дверью никакого движения, он уже занес руку, чтобы постучать еще раз, когда дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояла та самая белобрысая девчонка. Вот уж кого Гриша точно не ждал.

– К бабе Фае я, – пробормотал он.

– Нет ее, к приятельнице пошла, – фыркнула девчонка, внимательно разглядывая Гришу.

Глаза у девчонки действительно, как и предполагал Олег, были темно-голубыми. Да при этом еще и огромными.

– Лелик? – с усилием выдавил из себя незадачливый посетитель.

– На работе, – пожала плечами девчонка.

Она продолжала бесцеремонно смотреть на Гришу, явно не желая помочь ему с продолжением разговора. Гриша почувствовал, как щеки его начали пылать.

– Я книгу принес, – пробормотал он, когда пауза затянулась до неприличия.

– Почитаем, – кивнула девчонка.

Гриша подумал, что лучше бы вчера за ним погнался Лелик. И пусть бы даже догнал.

– Это не для чтения, – чувствуя, как бетонный пол подъезда уходит у него из-под ног, просипел Гриша. – Это для семечек. Кулечки сворачивать.

С этими словами он протянул пухлый том девчонке. Та взяла его обеими руками.

– Бабе Фае передай, – пробормотал Гриша сконфуженно, – скажи, что от Григория.

– Хорошо, Григорий, – фыркнула девчонка.

– Только передай обязательно. Я обещал, – ни с того ни с сего добавил Гриша.

– А вдруг я почитать захочу? – снова фыркнула девчонка, уставившись на Гришу своими огромными голубыми глазами. – Что тогда, Григорий?

Гриша покраснел и смущенно хмыкнул, показывая, что понял юмор, но не знает, что же сказать в ответ.

– Нет, что тогда, Григорий? – настаивала девчонка, которой явно нравилось вгонять Гришу в краску.

– Читай тогда, а уж после прочтения – на кулечки, – пробормотал он, изнемогая под этой пыткой.

– Григорий, – протянула девчонка, – а тебе не кажется, что как-то неприлично даже не познакомиться? Спросить, например, как меня зовут?

– Да я и так знаю, – брякнул Гриша.

– Да ну! – нарочито удивилась его собеседница. – И как же?

– Тань... – начал было Гриша, но вовремя поправился: – Татьяной.

– Ишь ты! – хмыкнула девчонка.

– Чего ты выделываешься? – неожиданно разозлился Гриша. – Мы с тобой теперь, наверное, часто станем видеться. Потому как мы для бабы Фаи будем семечки покупать и жарить. Так что привыкай ко мне.

– Надо же, – надула свои и без того пухлые губы девчонка, – как заговорил!

– Уж как могу, – огрызнулся Гриша.

Какие же все-таки огромные были глаза у этой девчонки.

– А чего твой дружок вчера удрал посреди разговора? – спросила Танька.

– Так надо было, – пробурчал Гриша.

Ему очень хотелось пофорсить перед своей новой знакомой и рассказать о трусости Олега, но он понимал, что это было бы неприлично по отношению к приятелю.

– А ты, я вижу, посмелее будешь, да? – фыркнула Танька.

– Поживем – увидим, – отмахнулся Гриша.

– Ладно, спасибо за книгу, – сказала Танька. – Я тете Фае передам, что ты заходил. Пока. Встретимся еще.

– Угу, – только и успел пробормотать Гриша.

Девчонка с грохотом захлопнула дверь, и он остался один на полутемной лестничной площадке.

Когда он вернулся, Олег уже торчал возле подъезда с внушительного размера эмалированным ведром, доверху заполненным отборным пузанком.

– Вот, – гордо сказал Олег, махнув рукой в сторону ведра. – Получай.

Вдвоем они отправились к Ленке и полдня жарили семечки на старой чугунной сковороде, которую нашли на кухне. Уже под вечер они снова пересыпали семечки в эмалированное ведро Олега и отнесли его бабе Фае. На этот раз торговка оказалась на месте. Как ни странно, но это почему-то расстроило Гришу.

Баба Фая сняла пробу и осталась довольна товаром. Она пересыпала семечки в свое ведро. Договорились, что через день они принесут ей еще, а она отдаст им деньги с прибавкой их доли.

А еще баба Фая пообещала поговорить с Петровной, что торгует семечками во дворе возле гастронома «Юбилейный». По ее словам, та вообще была одинокой да с большими ногами. Так что ей трудно было ездить на базар за товаром.

– Она вам и пятнадцать копеек с рубля даст, – махнула рукой баба Фая.

– Так это ж ваша приятельница, – удивился Олег.

– А в таких делах приятельниц нет, – хмыкнула баба Фая. – Тут уж кто как договорится. Так шо вы, хлопчики, не робейте.

Петровна оказалась толстой, с нездоровым румянцем бабкой на тощих кривых ножках. Как и говорила баба Фая, она с радостью согласилась на условия Братства, которое к тому времени уже было оформлено той самой хартией, о которой говорил на пирсе Олег. Хартия была написана от руки на обратной стороне красной грамоты победителя соцсоревнования и торжественно скреплена подписями обоих учредителей.

– Кровью расписываться будем? – хмыкнул Гриша, когда Олег представил ему историческую бумагу.

– Тебе бы все шутки шутить, – огрызнулся приятель. – Подписывай вечным пером. Сойдет?

– Сойдет, – кивнул Гриша.

Спустя пару недель к ребятам подошла еще одна бабка. Она тоже захотела, чтобы они приносили ей уже жареные семечки. Она же привела к ним еще двух торговков. И дела малопомалу пошли.

Вскоре на базаре старый армянин из пригородного села дал им хорошую скидку за покупку пяти ведер семечек ежедневно. Семечки теперь приходилось привозить с базара,

а потом развозить по городу на такси. Ленкина плита тратила газу больше, чем металлургический комбинат. А жар на ней чуть не круглые сутки стоял адский. Ленка бросила работу и жарила семечки сама. Теперь Олег с Гришей могли платить ей больше, чем ресторан, где в основном обедали старики-пенсионеры да экономящие каждую копейку семейные отдыхающие.

– Зима придет – отдохнем, – вздохнул как-то вконец измотанный Олег.

Но зимой Гриша додумался пересадить торговков в предбанники магазинов. За небольшую плату алчные директора торговых точек с готовностью согласились на это.

– Может, сходим куда-нибудь? – как-то предложил Татьяне осмелевший Гриша, доставив бабе Фае очередную партию товара.

– Куда? – фыркнула девушка.

– На пирс бычков ловить, – огрызнулся Гриша, предполагая, что снова станет объектом насмешек.

– Я думала, что ты серьезно! – неожиданно надула губы Татьяна.

Гриша вздрогнул. И в ближайшее воскресенье он выгулял девушку по Бродвею, а потом отвел поужинать в кафе «Майское». Танька ела котлету по-киевски и смотрела на него своими огромными голубыми глазами. Впрочем, теперь Гриша уже не так тушевался под этим взглядом.

Глава 7

– Так вот и начался их роман, – развел руками Яник.

Юрий из вежливости кивнул. Если честно, он даже не понял, зачем Яник так подробно рассказывал ему об этой Таньке и ее отношениях с его бабушкой. Ясно же, что у них ничего не вышло. Ведь его бабушку звали не Татьяной, а Светланой. Да и не было у него сейчас времени, чтобы углубляться во все эти истории. Голова Юрия была занята совсем другим. Минут пятнадцать назад Майбах свернул с шоссе на узкую и разбитую примыкающую дорогу. Она петляла между редких березок, как будто хотела замести следы. Они проехали Рузановку. Теперь поселок остался где-то слева и позади. А прямо по курсу за редким леском замелькали ржавые ангары некогда крупного военного аэродрома.

Юрий нервно вглядывался в эти руины, силясь понять, осталась ли в них еще хоть какая-то жизнь. Или ему просто сейчас свернут шею в одном из этих барачков, где его никто и никогда не найдет. Впрочем, даже если и найдут, лучше ему от этого уже не будет. Юрий почувствовал, как, несмотря на работающий во всю силу кондиционер, его лицо от накатившего страха покрывается мелкими капельками пота. Аэродром выглядел абсолютно необитаемым. Юрий с испугом скосил взгляд на Яника. Но тот, казалось, было погружен в собственные мысли.

Юрий уже готов был заорать от страха, когда Майбах неожиданно притормозил перед шлагбаумом. Из будки, стоявшей справа на обочине, выскочил солдат-срочник и подбежал к машине. У Юрия слегка отлегло от сердца.

– Хлопчик, – обратился к нему Яник, сантиметров на десять опутив стекло, – откинька ты свою рогатину с дороги.

– Ага, – послушно кивнул парнишка.

Он уже хотел бежать к шлагбауму, когда Яник жестом подозвал его обратно.

– И вот еще шо, – сказал Яник, – позови ко мне майорика, который тут у вас ошивается за старшего. Скажи, шо нужен он мне.

– Товарища Андрищенко? – уточнил солдатик.

– Может и так, я его погонял не знаю, – развел руками Яник. – Майорик, с усиками такой. Пускай прямо к нашему литаку подойдет. Понял?

– Так точно, – кивнул солдатик и бросился открывать шлагбаум.

– Жорик, ты нашим авиаторам-то позвонил, чтобы движки запускали? – бросил Яник амбалу на переднем сидении, когда Майбах снова тронулся с места.

– А как же, полчаса назад, Янислав Казимирович, – подтвердил Жорик.

– Вот и славно, – вздохнул Яник и, повернувшись к Юрию, добавил: – Часика через полтора будем дома.

– Угу, – кивнул Юрий, нервно вздрогнув от последнего слова.

Может, для Яника Таганрог и был домом, но его самого по-прежнему не устраивала перспектива лететь туда в столь сомнительной компании. Впрочем, похоже, выбора у него не было. По тому подобострастию, с которым солдатик из будки возле шлагбаума обращался к Янику, Юрий понял, что от военных на аэродроме помощи ждать не приходится. Между тем, это была его последняя надежда вырваться из цепких рук подсолнечных братьев.

Проскользнув черной тенью мимо изуродованных временем аэродромных ангаров, Майбах выскочил на бетонную взлетную полосу, на которой стоял готовый к взлету Bombardier Challenger 605, и притормозил прямо возле откинутого трапа.

Юрий вышел из машины. На взлетной полосе было душно. От бетона несло гарью, как от раскаленного утюга. Турбины Челленджера гнали горячий ветер, и весь пейзаж за этим невидимым шлейфом словно расплывался в расплавленном воздухе. На хвостовом оперении само-

лета красовался подсолнух с черными спелыми семечками. Юрий прочел надпись на борту: «Le Tournesol Avion».

– Турнесоль? – ткнул Юрий пальцем в ливрею самолета, когда обогнул Майбах и подошел к Янику.

– Ага, подсолнух по-французски, – кивнул Яник.

– Так у вас что, целая авиакомпания? – поинтересовался Юрий.

– Да крошечная, – махнул рукой Яник. – Так, для собственных нужд. Слетать туда-сюда. Как вот в нашем случае. Не в плацкартном же вагоне тащиться?

– Угу, – пробурчал Юрий.

Из самолета вышла длинноногая стюардесса в синем костюме.

– Добро пожаловать на борт, – с лучезарной улыбкой обратилась она ко всем присутствующим, включая Юрия.

– Да, рыбонька, сейчас, – кивнул Яник, который не спешил подниматься по трапу, вглядываясь куда-то в сторону видневшихся вдали ржавых аэродромных ангаров.

Между ангарами Юрий заметил какое-то движение. И вскоре, поднимая пыль с давно, очевидно, не используемой бетонки, к ним подкатил дребезжащий уазик. За рулем сидел солдат-срочник. С пассажирского места спрыгнул на бетонку майор с круглым, как блин, почти безбровым лицом, на котором висели, словно упавшие от безысходности стрелки часов, выгоревшие на солнце жидкие усы.

– Добрый день, – обратился майор к Янику. – Улетаете уже?

– Усатый, – Яник, поморщившись от идиотского вопроса, кивнул в сторону Майбаха, – возьми машину и отгони, где брал.

– Само собой, как договаривались, – затряс лицом-блином майор. – Без вариантов.

Яник снова поморщился, но, переведя взгляд на Юрия, растянул губы в доброжелательной улыбке, при этом жестом приглашая его подняться на борт.

Юрий скользнул внутрь самолета, за ним последовали Яник, амбалы и длинноногая стюардесса. При этом амбалам, учитывая высоту потолка салона Челленджера, пришлось пригнуться.

С одного борта небольшого, но не без роскоши отделанного салона, были установлены напротив друг друга две пары кресел, разделенные изящным столиком. Вдоль второго борта шел состоящий из нескольких секций диван.

Жорик с Гошей разместились на диване. Стюардесса пристроилась на какой-то откидывающийся стульчик впереди. А Яник пригласил Юрия занять кресло. Причем в той паре, которая была установлена по ходу движения и, очевидно, являлась лучшей. Сам Яник уселся напротив него.

Из кабины вышел пилот в такой же, как у стюардессы синей форме:

– Можем взлетать, Янислав Казимирович?

– Да, прошу вас, – кивнул Яник. – Я уже устал от сегодняшней поездки.

Пилот снова скрылся за дверкой кабины. Турбины зашумели еще сильнее, и самолет, вздрагивая на стыках просевших плит старого аэродрома, вырулил на взлетную полосу. Здесь он на пару минут замер, словно готовясь к прыжку, а затем все быстрее и быстрее рванулся вперед. Почти незаметно он оторвался от земли и почти сразу заложил плавный вираж для разворота. В накренившемся к земле иллюминаторе Юрий где-то далеко внизу увидел ржавые аэродромные ангары. Спустя еще пару мгновений самолет, взяв необходимый курс, выровнялся и со скоростью 850 километров в час устремился к Таганрогу.

Когда, заняв эшелон, самолет словно замер в пространстве, Юрий вновь почувствовал какую-то внутреннюю напряженность. Амбалы шумно, прямо из бутылочек, пили минеральную воду, которую принесла им стюардесса. А Яник, который сидел прямо напротив Юрия,

не сводил с него пристального взгляда. Поерзав в кресле, Юрий не выдержал и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, решил продолжить начатый еще в Майбахе разговор:

– Бабки, семечки, супермаркеты, – начал он, стараясь по возможности придать голосу небрежный тон. – Яник, так все-таки, сколько все это может стоить? О каких суммах идет речь, если не секрет?

– От вас, Юрий, у нас нет секретов, – хмыкнул Яник. – Двести – двести пятьдесят миллионов.

– В год? – все так же небрежно поинтересовался Юрий.

– В месяц, – пояснил Яник. – И не рублей, конечно, а долларов. И глава Братства, прошу заметить, получает десять процентов от этой суммы.

– Десять процентов? – переспросил Юрий, чтобы хоть что-то сказать, и бросил невольный взгляд на амбалов.

Он подумал, что те кинутся на него прямо сейчас, чтобы свернуть ему шею. По фильмам он знал, что за такие деньги подобные люди делают именно так. Но Жорик с Гошей продолжали пить свою воду, не обратив на слова своего босса никакого внимания. Юрий вновь перевел взгляд на Яника.

– Немало, – выдал он и, найдя в себе силы на шутку, добавил: – И не нашлось никого, кто бы желал их получить, раз вам пришлось лететь за мной?

– Желющие нашлись. И даже в большом количестве, – серьезно произнес Яник. – Да только в Братстве царит порядок. И мы всегда следуем всем пунктам хартии.

– Понятно, – пробормотал Юрий.

А Яник, уловив в его голосе иронию, продолжил все так же серьезно:

– Просто вы слишком мало о нас знаете.

Юрий покорно кивнул.

– Заполните пробелы? – хмыкнул он.

Он ждал, что его собеседник продолжит рассказ о девушке Тане, пацанах с пирса и гопниках со Слободки. Но Яник неожиданно заговорил о тоннах, гектарах, биржевых торгах и розничной наценке. Его голос был тихий, он сыпал слова почти скороговоркой, словно обращался не к Юрию, а просто проговаривал вслух свои мысли. Чувствовалось, что тему он знает досконально и относится к ней очень серьезно, без тени иронии и снисходительности, которые до сих пор сквозили в его речи. Даже его южный выговор куда-то пропал.

Яник говорил о том, что только на Украине ежегодно выращивают около десяти миллионов тонн семян подсолнечника. Под эту культуру занято более пяти миллионов гектаров. В основном – вокруг Запорожья, Кропивницкого и Днепра. В последние годы стоимость семян на Роттердамской бирже составляла около 400 долларов за тонну. Как нетрудно подсчитать, при этом весь урожай оценивается в четыре миллиарда. И Братство контролирует больше половины, получая по 200 миллионов ежемесячно. С учетом достаточно простого выращивания этой культуры и, как следствие, высокой рентабельности, чистая прибыль достигает ста миллионов в месяц.

– Это то, что касается Украины, – подвел промежуточный итог Яник.

Впрочем, продолжил он, этим активы Братства отнюдь не исчерпываются. В России под выращивание подсолнечника отведено свыше семи миллионов гектаров. Причем, и это в значительной степени заслуга Братства, за последнее десятилетие площади посевов выросли на треть, а по отношению к 1990 году – почти утроились. Если в 1990 году валовый сбор семян составил 3,43 миллиона тонн, то сейчас он превышает 10 миллионов. Братство выращивает подсолнух в Саратовской, Оренбургской, Волгоградской, Ростовской и Воронежской областях, контролируя от 25 до 30 процентов всего урожая и имея с этого порядка 70—80 миллионов долларов чистой прибыли ежемесячно.

Но и это еще не все. Братство также занимается производством и продажей подсолнечного масла. Оно, как пояснил Яник, занимает около 8 процентов мирового рынка растительного масла. А Украина при этом лидирует по объемам его экспорта. Россия по этому показателю занимает второе место. Масло продается в Индию, Турцию, Китай и ряд других стран. Всего в прошлый сезон было экспортировано около 5,7 миллиона тонн.

Братство подсолнуха владеет заводами в Житомирской, Одесской и Воронежской областях, а также в Краснодарском крае. Рентабельность производства зашкаливает, превышая 80 процентов. Это вообще одно из самых выгодных производств. Прорваться на этот рынок было нелегко, но сейчас он дает Братству ежемесячно около пятидесяти миллионов долларов чистого дохода.

– Плюс собственная розничная торговля, о которой я вам уже упоминал, да прочие мелочи. Так что по самым минимальным оценкам можно в целом говорить о тех самых 200—250 миллионах долларов в месяц, – развел руками Яник.

За этим рассказом Юрий и не заметил, как прошло время. Он не все запомнил, какие-то цифры наверняка перепутались у него в голове, но из всего сказанного он понял главное: ему совсем ни к чему соваться в это дело. Однако возможности соскочить с подножки у него пока не было. Оставалось рассчитывать на то, что члены Комиссии окажутся более здравомыслящими, чем Яник, и примут – как там это называется? – его самоотвод. Ждать оставалось недолго. Через час с минутами самолет, сделав вираж над Азовским морем, приземлился в аэропорту на юго-западной окраине Таганрога.

Глава 8

Южный город обдал Юрия удушающей послеобеденной жарой, которую не смягчал даже дующий со стороны мелкого Таганрогского залива легкий влажный ветерок. На рулежной дорожке, где остановился Bombardier, их дожидались Mercedes Geländewagen и Maybach S 560 4MATIC – точно такой же, как тот, на котором Яник полтора часа назад доставил Юрия на аэродром. Юрий бы не удивился, если бы из Майбаха показалось лицо-блин майора Андрищенко.

Черные громоздкие автомобили напоминали похоронную процессию, что не прибавило Юрию оптимизма. Амбалы поместились в Гелик, Юрия Яник любезным жестом пригласил в Майбах. Расположившись на уже ставшем привычным огромном кожаном сидении, Юрий подумал, что к комфорту действительно привыкают быстро. И почему бы ему ни возглавить это подсолнечное Братство, если уж все так этого хотят? Тогда всю оставшуюся жизнь он будет ездить на Майбахе и вспоминать о нищенских годах преподавания, как о нечаянном казусе, который подкинула ему жизнь в качестве испытания.

– К вам в особняк? – полуобернувшись к Янику, спросил шофер, похожий на старшего брата уже знакомых Юрию Жорика и Гоши,

– Нет, давай сразу к деду, – поморщившись, ответил Яник.

Шофер почтительно кивнул, и машина бесшумно сорвалась с места. Проскочив мимо цехов авиазавода, она через предусмотрительно распахнутые ворота проходной вылетела в город. Майбах и следующий за ним след в след Гелик пересекли площадь и помчались по Инструментальной улице вдоль трамвайных путей, за которыми виднелись кирпичные пятиэтажки. Затем их сменили частные одноэтажные домики. Спустя несколько минут кортеж свернул в переулок и углубился в извилистую сеть заросших деревьями домишек. Движение замедлилось. Казалось, Майбах еле протискивается по узким улочкам старого города. Они пересекли трамвайные пути и притормозили в Итальянском переулке возле двухэтажного купеческого особняка из красноватого кирпича. Квадратные, с глубоко утопленными в недра толстых стен рамами и оттого больше похожие на амбразуры окна первого этажа располагались почти у самой земли, как будто за долгие десятилетия особняк врос в землю под тяжестью массивного верхнего этажа с высокими стрельчатыми проемами.

Гелик остался стоять под окнами, а Майбах свернул к воротам, врезанным в окружающий дом высоченный каменный забор. Створки ворот распахнулись – наверное, в особняке стояла камера наблюдения, – и они въехали в довольно тесный для такой крупной машины двор.

Выйдя из Майбаха, Юрий обнаружил, что особняк гораздо больше, чем казался с улицы. Он уходил глубоко внутрь двора двумя рядами окон. Впрочем, возможно, здание было построено покоем. Или имело внутренний дворик. Юрию некогда было долго разглядывать. Яник, выйдя из машины, слегка подтолкнул его к высокому крыльцу. Венчавшая широкие ступени дверь вела сразу на второй этаж. И Юрий решил, что, наверное, особняк считался одноэтажным. А то, что он первоначально принял за низкий первый этаж, являлось, скорее, высоким цоколем.

– Прошу, прошу, Юрий, – бормотал сзади него Яник, когда они вдвоем поднимались по облицованным керамической плиткой ступеням, – нас ждут.

Не увидев рядом с массивной бронированной дверью никакого намека на звонок или домофон, Юрий потянул за бронзовую ручку. Дверь оказалась открыта, и они с Яником вошли в просторный холл, где царила обеспеченная мощным кондиционером желанная прохлада. Вдоль стен стояло несколько низких диванов, перед которыми размещались два стеклянных журнальных столика. Свет был потушен, а выходящие в узкий двор окна не могли побаловать просторное помещение ярким солнцем. Так что в холле царил полумрак. И Юрий

не сразу заметил, что с противоположной стороны, возле ведущей вглубь особняка двери притаился сухонький старичок со всклокоченными рыжеватыми волосами. Одет он был в бордовый костюмчик, ворот белой рубашки на жилистом горле перехватывал галстук-бабочка.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – громко произнес старичок, шагнув им навстречу.

От звука его голоса Юрий вздрогнул. На какое-то мгновение он подумал, что это и есть хозяин особняка. Но почти сразу до него дошло, что это, скорее, какой-то прислужник, что-то вроде дворецкого. Уж слишком не вязалось с его внешностью могучее слово «дед», которое произнес в аэропорту Яник.

– Наше тебе приветствие, Миша, – фыркнул за спиной Юрия Яник.

– Очень рад, очень рад, – как-то невпопад затараторил старичок, явно адресуясь к Юрию, а не к его спутнику.

– Юрий, – представился Юрий, чтобы хоть как-то ответить на любезности мажордома.

Сказать ему в ответ, что тоже рад его видеть, у него язык не повернулся.

– Знаю, знаю, наслышан, заждались, – закивал старичок.

– Не хватало только сказать: все глазки проглядели, – с раздражением подумал Юрий.

Нарочитая, почти клоунская зажиточность Братства в сочетании с какой-то приторностью все больше начинала его беспокоить. Если бы он был его главой, он устроил бы все гораздо современнее, без амбалов в Геликах, особняков с аляповатым убранством, нелепых дворецких с рыжими волосами и прочих атрибутов богатства из давно ушедших времен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.